

П. Пилбим
Лондонский университет,
Великобритания

НАСЛЕДИЕ АЛЬФРЕДА КОББЕНА

Автор статьи, бывшая ученица профессора Альфреда Коббена, анализирует его научное наследие. К таковому, по ее мнению, можно отнести, прежде всего, его исследования и публикации, особенно по дискуссионным вопросам истории Французской революции, пробудившие в университетах и среди широкой публики устойчивый интерес к истории Франции. Стиль его текстов, побуждавших к размышлениям и ставивших вопросы, а также его постоянные апелляции к фундаментальным исследованиям побуждали молодых учёных подвергать сомнению устоявшиеся точки зрения и задавать свои вопросы прошлому. Его преподавательская работа, его книги занимали главное место в его жизни. Он вдохновил и вырастил многочисленную плеяду учёных, и, что особенно важно, истинных альтруистов, сыгравших ведущую роль в том, как в западном мире понимают сегодня историю Франции. В настоящий момент их собственные студенты преподают в университетах Великобритании, Канады, США, Японии и других стран. В 1950-е – 1960-е гг. история Франции считалась важнейшим направлением исследований в Великобритании, Австралии и Северной Америке. Вышедшая из Французской революции либеральная традиция представлялась жизненно важной в мире, пережившем две мировые войны и ужасающие социальные катастрофы. Казалось, что французский опыт дарит человечеству слабую тень надежды. Коббен сам исповедовал эту веру и посвятил свою жизнь её укреплению.

Ключевые слова: Альфред Коббен, историография, Французская революция, просвещение

Цитирование: Пилбим П. Наследие Альфреда Коббена. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-380-397> // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 380-397.

Поступила в редакцию: 06.12.2020

Принята к печати: 08.08.2021

Pamela Pilbeam

University of London, UK

THE LEGACY OF ALFRED COBBAN

The author of the article, the former student of Professor Alfred Cobban, analyses his legacy. What, according to her opinion, may be considered as such. First, his research and published writing, especially on the discussion issues on the French Revolution history, which inspired a lasting interest in the history of France in universities and the wider world. The stimulating, questioning approach of his writing and his constant quoting of detailed research encouraged young scholars to question established views and interrogate the past. He was totally committed to his teaching and writing. He inspired and educated a numerous and above all genuinely altruistic community of scholars, who have had a marked impact on how the history of France is understood and whose own students now teach in universities in Britain, Canada, USA, Japan etc. In the 1950s and 60s French history was regarded as a prime area to be studied in Britain, Australia and North America especially. The 1789 liberal tradition seemed vitally important in a world that had suffered two world wars and horrific social and political collapse. The French experience seemed to offer a tiny bit of hope for humanity. Cobban reflected that belief and he committed himself to reinforcing it. Keywords: Alfred Cobban, historiography, the French Revolution, Enlightenment

Citation: Pilbeam, P., (2022). Nasledie Alfreda Kobbena [The Legacy of Alfred Cobban]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-380-397>. *Annual of French Studies*, 2023, vol. 56, p. 380-397.

Начнём с краткой биографии Альфреда Коббена, а затем обратимся к рассмотрению его наследия. Предлагая свою оценку творчества профессора Коббена, я должна упомянуть, что была его студенткой и аспиранткой, прослушала два его специализированных курса для бакалавров. В 1965 г. после трёх лет исследований я защитила под его руководством диссертацию PhD.

Альфред Коббен родился 24 мая 1901 г. в Челси в семье торговца мебелью¹. Его происхождение необычно для людей, сделавших академическую карьеру: как правило, они были выходцами либо

¹ *Hufton O.* Cobban, Alfred Bert Carter (1901–1968) // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford, 2004. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/56344> Дата обращения 12.07.2023

из богатых семей, либо из семей учёных. Никогда в жизни он не забывал, что только трудом может обеспечить свое существование. Ему удалось получить стипендию в престижной частной школе Латимер, а затем ещё одну – в колледже Гонвилла и Кииза, где по окончании учебы ему вручили диплом с отличием первой степени.

Защитив диссертацию, Коббен стал преподавателем в Королевском колледже в Ньюкасле, а в 1937 г. – доцентом французской истории в Лондонском университетском колледже. Он оставался доцентом до 1953 г., хотя имел все данные для того, чтобы стать профессором. Карьеру ему, похоже, затормозила строгая экономия, царившая в Великобритании после Второй мировой войны². В колледже существовала кафедра французской истории и государственных институтов. Наряду с кафедрой французской литературы она была одной из двенадцати кафедр Лондонского университета, которым Лондонский городской совет в 1912 г. гарантировал финансирование³.

Будучи доцентом французской истории, Коббен читал два специализированных курса для студентов: по Французской революции (1787–1794) и факультативный курс по истории французского государства с 1714 г. до современности. С 1947 г. он вёл в Институте исторических исследований семинар, который вскоре стал привлекать к себе талантливых аспирантов из Великобритании и Северной Америки. В 1943 г. Коббен получил стипендию Рокфеллера. Список его трудов, посвященных политическим идеям и истории Франции, стремительно рос, а вместе с ним росла и его известность как первоклассного английского франковеда. К нему обращались всякий раз, когда искали преподавателей французской истории в англоязычных университетах. В 1947 г. его приглашали читать лекции в Чикаго, а затем – в Гарварде. Он отказался от кафедры в Чикаго, не желая покидать Британию, и в 1953 г. стал профессором французской истории в Лондонском университетском колледже, где проработал до самой смерти.

Коббен возглавлял свою кафедру до 1966 г., издавал журнал *History*, входил в многочисленные правления и комитеты, выступал приглашенным членом жюри на защитах диссертаций в других университетах. Его многократно приглашали в престижные университеты США и Канады. Он всегда внимательно следил за

² University College London Archives. Alfred Cobban, professional files.

³ Я признательна доктору Джону Харви из университета Сен-Клу за совет обратиться к архивам кафедры и Лондонского университета.

тем, чтобы это не шло в ущерб его собственному преподаванию в Лондонском университетском колледже: он либо уезжал в то время, когда занятий у него почти не было, либо менял расписание, чтобы провести их заранее. В 1966 г. Коббен получил множество предложений читать лекции, в том числе от университета Беркли, но ему уже поставили диагноз – рак желудка. После хирургической операции в Лондонской университетской клинике его перевезли в больницу Гая. От дальнейшего хирургического вмешательства он отказался. В конце ноября 1967 г., выйдя из больницы во второй раз, он написал ректору, что возобновит преподавание, в первую очередь ради своих аспирантов, которые для него очень важны. В марте 1968 г. его жена Мюриэль написала письмо, в котором сообщила, что он отправляется в хоспис. 1 апреля 1968 г. Альфреда Коббена не стало.

* * *

Теперь рассмотрим характер его исследований. В Англии 1950-х–1960-х гг. Альфред Коббен являлся одним из наиболее выдающихся историков-франковедов. Он был прежде всего исследователем. Для своей книги «Послы и тайные агенты»⁴ он собирал материалы в Национальном архиве Франции, а для серии статей о выборах 1848 г. – в архивах департамента Кот-д’Ор и ряде других департаментов. Вместе с тем, написанные им тринадцать книг и многочисленные статьи являют собой прежде всего подробный критический анализ исследований ведущих французских историков. Коббен подвергал сомнению их аргументы и выводы, но вне зависимости от того, соглашался он с ними или спорил, всегда старался внимательно относиться к их доводам. Коббен был эмпириком и презирал абстрактные теории. Историческое исследование, по его убеждению, должно опираться на архивные источники, но само по себе цитирование источников должно сопровождаться убедительной авторской аргументацией. Он питал отвращение к «свалкам незначительных фактов, собранных академическими сороками»⁵.

В не меньшей степени, чем историком, Коббен являлся политическим философом. Свои первые книги он написал об Э. Бёрке

⁴ Cobban A. *Ambassadors and Secret Agents*. L., 1954.

⁵ Cobban A. *The Enlightenment* // *New Cambridge Modern History*. Cambridge, 1966. Vol. 7. P. 102.

и Ж.Ж. Руссо⁶. Монографию о Руссо он посвятил жене, которая сделала повседневную жизнь Коббена столь комфортной, что он смог полностью отдаться написанию исторических трудов, преподаванию и организации изучения истории. Подобно Марку Блоку, которым он глубоко восхищался, Коббен считал, что историк может понять прошлое только в контексте настоящего. Его сильно тревожило то, что на долю его поколения выпало жить в столь беспокойное, бурное и жестокое время. Выход он видел в энергичной попытке вернуться к утраченным моральным и духовным стандартам. Он считал, что общественные перемены должны происходить путём реформ и негативно относился к революциям и насилию.

В 1930-е–1940-е гг. Коббен опубликовал одну за другой несколько ярких полемических работ: «Диктатура в теории и на практике», «Кризис цивилизации», «Национальное самоопределение»⁷, а в 1954 г. издал «Историю вишистской Франции» в выходившей под редакцией А. Тойнби серии «Гитлеровская Европа»⁸.

В 1949 г. он написал к новому французскому изданию «Чартизма» Э. Доллеана предисловие, которое, несмотря на свою краткость, даёт представление о философии истории самого Коббена и заслуживает быть процитированным. Первое издание этой книги вышло в 1914 г. с предисловием Сидни Уэбба, ведущего профессора-фабианца из Лондонской школы экономики. Тот факт, что Коббен написал новое предисловие, дополнявшее предыдущее, указывает на его симпатию к фабианскому социализму, который призывал реформировать общество путём изменения системы образования и законодательства, а не посредством революций. Коббен сравнивал чартистов с якобинцами: «Якобинцы и чартисты были парламентариями, конституционными революционерами, опиравшимися на либеральные идеи». Коббен охарактеризовал чартизм как «одну из самых удачных неудач в истории». Их Хартия сыграла важную роль, став основой успешного демократического социализма. Вывод Коббена раскрывает его философские взгляды на роль историка: «Задача историка не в том, чтобы подвергать суду эти фундаментальные вопросы или отправляться

⁶ Cobban A. Burke and the Revolt Against the Eighteenth Century. L., 1929; *Idem*. Rousseau and the Modern State. L., 1934.

⁷ Cobban A. Dictatorship, its History and Theory. L., 1939; *Idem*. The crisis of civilization. L., 1941; *Idem*. National Self-Determination. Oxford, 1945.

⁸ Cobban A. The history of Vichy France. Oxford, 1954.

в плавание по бурным морям современных споров. Вместо этого следует перенять дух беспристрастности и тонкой, полной чувств симпатии, с которой Эдуард Доллеан написал историю чартистов <...>. Мы хотели обратить внимание на то, что данный исторический опыт ставит актуальную и важнейшую проблему, и она в настоящий момент придаёт рассматриваемому труду по истории чартизма то значение, которым это произведение, будучи опубликовано впервые, не обладало»⁹.

Впрочем, Коббен так и не раскрыл, что же именно сделало исследование Доллеана более актуальным в 1948 г. по сравнению с 1914 г. Было ли это связано со столетним юбилеем революционных событий 1848 г., о которых Коббен написал несколько статей, и, по словам его жены, намеревался создать подробную книгу? Может быть, он думал о том, как к 1948 г. изменилась роль рабочих в связи с массовой национализацией и распространением социального обеспечения во Франции и Великобритании? Или же он косвенно намекал на изгнание Коммунистической партии из французского правительства весной 1947 г.? Мы можем только догадываться. Коббен любил задавать вопросы, и странно, что на сей раз он сам оставил вопрос без ответа.

Из наследия Коббена-историка чаще всего вспоминают его критику социальной интерпретации Французской революции. По его словам, французские учёные во главе с Жоржем Лефевром считали, что Революция делалась буржуазией и ради буржуазии, в полном соответствии с утверждением Карла Маркса о том, что 1789 г. стал первым этапом неизбежного исторического процесса, который в конечном счете приведёт к диктатуре пролетариата, а затем к бесклассовому обществу. Альбер Собуль в 1965 г. начал свой труд о 1789 г. словами «Революция стала моментом пришествия во французскую историю буржуазного и капиталистического общества»¹⁰. Коббен придерживался иного мнения. В лекции «Миф Французской революции», которую он в присутствии французского посла прочёл в 1954 г., вступая в должность профессора истории Франции, а также в самой известной из своих книг – «Социальная интерпретация Французской революции» – Коббен утверждал, что, хотя в политическом плане Революция 1789 г. радикально изменила Францию, сложное общественное устройство страны подвер-

⁹ Cobban A. Introduction // Dolléans E. Le Chartisme (1831-1848). P., 1949. P. VII-XII.

¹⁰ Soboul A. La Révolution française. P., 1965. P. 5.

глось переменам в гораздо меньшей степени: «Социальная история революционного периода сильно пострадала от того, что историки взяли на вооружение социологическую теорию, основанную на материале более поздней эпохи, и использовали для своих выводов события всего лишь одного-двух лет Революции»¹¹.

Коббен подверг сомнению современную ему социальную интерпретацию событий 1789 г. и особенно марксистский подход: «Каковы факты, доказывающие реальность так называемой буржуазной революции и, в частности, кто был этой самой буржуазией? Что это был за феодализм такой, который они свергли? Как была буржуазная революция связана с восстанием крестьянства? <...> Какую роль в революционной ситуации играли низшие слои населения?»¹².

Коббен ссылаясь на подробные данные, приведенные в исследованиях Ж. Лефевра¹³, Э. Лабрусса¹⁴ и А. Собуля, о сложном составе участвовавших во Французской революции социальных групп. Он пришел к выводу, что приведенные этими историками архивные данные не подтверждают ту упрощенную марксистскую трактовку событий, которой они же и придерживаются. Коббен не отрицал, что XVIII в. был отмечен подъёмом буржуазии и что депутаты от третьего сословия, избранные в Генеральные Штаты, в большинстве своём принадлежали к буржуазии. Приводя в числе прочего подробные статистические исследования, ранее осуществлённые самим же Лефевром, а также труды американского историка Джорджа В. Тэйлора¹⁵, Коббен указывал, что представители третьего сословия в Генеральных Штатах были по большей части не капиталистами, а чиновниками, государственными служащими, лицами свободных профессий, чаще всего юристами, и землевладельцами. Он с удовольствием отмечал, что и сам Лефевр пришёл к такому же выводу в книге «Тысяча семьсот восемьдесят девятый год»¹⁶, опубликованной в 1939 г. Лефевр тогда утверждал, что события 1789 г. произошли вследствие длительно-

¹¹ Cobban A. *Social Interpretation of the French Revolution*. Cambridge, 1964.

¹² Ibid. P. 24

¹³ Lefebvre G. *Les paysans du Nord pendant la Révolution française*. Lille, 1924.

¹⁴ Labrousse C.E. *La Crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution*. P., 1944.

¹⁵ Taylor G.V. *Types of capitalism in eighteenth-century France* // *English Historical Review*. 1964. Vol. 79. № 312 (Jul.). P. 478–497; *Idem*. *Noncapitalist wealth and origins of the French Revolution* // *American Historical Review*. 1967. Vol. 72. № 2 (Jan.). P. 469–496.

¹⁶ Lefebvre G. *Quatre-vingt-neuf*. P., 1939.

го общественного конфликта, и Коббен соглашался с ним, но добавлял, что общество является куда более сложным, чем это допускает марксистская теория, и перемены в нём происходят не благодаря революциям, а через постепенные изменения. Коббен не задавался вопросом, почему Лефевр отказался от своей прежней социальной интерпретации в пользу прямолинейного марксизма.

Подвергнув критике то, как истоки 1789 г. интерпретируются во Франции, Коббен далее поставил вопрос о последствиях Революции для французского общества. Он обратил внимание на то, что принятое летом 1789 г. решение Учредительного собрания упразднить феодальные и сеньориальные платежи, а также церковную десятину, исходило отнюдь не от буржуазных депутатов, как утверждали марксисты. Многие буржуа ранее сами приобрели сеньориальные права и, как писал Лефевр, «у буржуазии не было ни времени, ни желания нападать на десятину или феодальные права»¹⁷. Необходимость отмены сеньориальных платежей была продиктована крестьянскими восстаниями, известными как Великий страх. В своих трудах о крестьянах северной Франции и в книге «Великий страх» Лефевр тоже подчеркивал, насколько важную роль сыграли действия крестьян. Сеньориальные платежи вызывали у них особенное возмущение потому, что право на взимание таковых, вне связи с правом собственности на землю, всё чаще приобретала городская буржуазия, которая эти платежи непрерывно повышала. Отмена сеньориальных платежей и десятины, произошедшая в ночь с 4 на 5 августа 1789 г. может считаться одним из главных последствий Революции для общества. Это была победа деревни над городом. Зажиточные крестьяне думали, что земля, оказавшаяся в их собственности, сделала их победителями в Революции, но Коббен, признавая их победу, отмечал, что на деле сеньориальные платежи продолжили своё существование в виде высокой арендной платы для крестьян за землю¹⁸.

Коббен отвергал также марксистское утверждение о том, что Революция привела к развитию капитализма. Действительно, и Собыль, и Анри Сэ признавали, что революционные беспорядки вкупе с двадцатью пятью годами войны замедлили развитие французской экономики¹⁹. В последующее столетие во Франции не произошло масштабного промышленного взлёта. Да и серьёзных социальных

¹⁷ *Lefebvre G. Études sur la Révolution française. P., 1954 (2nd éd. – 1963). P. 249.*

¹⁸ *Cobban A. Social... P. 103, 119.*

¹⁹ *Ibid. P. 75.*

перемен в результате Революции не случилось. Были приняты законы об отмене прав общин, но значительная часть земель, в первую очередь леса, оставались в общем пользовании и в XIX в. Положение зажиточных крестьян улучшилось, но перемены в обществе были ограниченными, потому что дворянам по-прежнему принадлежала во Франции такая же доля земель, как и до 1789 года²⁰.

Лефевр и его коллеги оказались шокированы тем, что Коббен, по их мнению, создал негативный «миф» о Французской революции. Лишь немногие из его книг были переведены на французский, хотя большинство из них присутствует в каталоге Национальной библиотеки Франции. Перевод «Социальной интерпретации Французской революции» появился в 1984 г. с предисловием профессора Э. Леруа-Ладюри²¹, но, похоже, во Франции на него не вышло ни одной рецензии. Еще одна его книга, опубликованная на французском языке, это – последний текст Коббена, богато иллюстрированная книга, популярным языком излагающая события XVIII в.²²

Хотя большинство французских историков, во главе с Лефевром, Лабруссом и Собулем отвергли взгляды Коббена, их ученики провели подробный анализ состояния французского общества Старого порядка на местах, показав всю сложность существовавшей тогда реальной ситуации, что в полной мере соответствовало всему, о чем говорили Коббен и его последователи. Достаточно назвать изданную в виде трех монографий диссертацию Мориса Агюлона о департаменте Вар²³ и двухтомник Алана Корбена о бедняках Лимузена²⁴, но было и множество других подобных исследований. Эти труды, на создание которых ушло два десятилетия, преобразили французскую социальную историю. Задолго до двухсотлетия Революции, в истории которой не рассматривались отдельно ни крестьяне, ни рабочие, ни буржуазия, марксистская интерпретация умерла и окончательно была похоронена с крушением Советского Союза.

²⁰ Cobban A. Social... P. 119, 161; *Idem*. The vocabulary of social history // Political Science Quarterly. 1956. Vol. 71. Issue 1 (March). P. LXXI.

²¹ Cobban A. Le sens de la Révolution française. Préface de E. Le Roy Ladurie. Traduction de F. Lessay P., 1984.

²² Cobban A. Le siècle des Lumières. P., 1971. Я благодарю профессора Тимоти Ле Гоффа (Йоркский университет, Канада) за эту информацию.

²³ Agulhon M. Une ville ouvrière au temps du socialisme utopique. Toulon de 1815 à 1851. P., La Haye, 1970 ; *Idem*. La République au village. P., 1970 ; *Idem*. La vie sociale en Provence intérieure au lendemain de la Révolution. P., 1971.

²⁴ Corbin A. Archaïsme et modernité en Limousin au XIXe siècle, 1845-1880. 2 vol. P., 1975.

Франсуа Фюре, сыгравший важнейшую роль в перемене отношения к Революции, оказался единственным французским историком, который открыто согласился с утверждением Коббена о слабом воздействии 1789 г. на общество²⁵. Коббен требовал от своих аспирантов, чтобы они сделали предметом своих исследований какой-нибудь конкретный сектор социальных отношений. Ольвен Хафтон написала впечатляющее исследование о городе Байё, а затем другое, посвящённое беднякам и женщинам²⁶. Клайв Чёрч пришёл к выводу, что Директория не воплощала в себе власть буржуазии²⁷. Моя собственная диссертация отрицала статус буржуазной у Июльской революции 1830 г.²⁸ Джордж Рюде, самый выдающийся из учеников Коббена, был сторонником модифицированной марксистской интерпретации социальных движений, близкой к взглядам Э.П. Томпсона и Э. Хобсбаума, и выразил свою точку зрения в двух книгах, написанных ясным языком и оказавших большое воздействие на умы, – «Толпа во Французской революции» и «Толпа в истории»²⁹.

Иногда говорят, что между Рюде и Коббеном случился разлад из-за марксистских взглядов Рюде. Они оба серьёзно относились к социальным движениям и переменам, просто Коббен считал, что верный путь к таким переменам – социальные реформы. Рюде же был членом Коммунистической партии, из-за чего он так и не получил университетского поста в Великобритании и в конечном счёте стал основателем солидной школы франковедения в Австралии, традиции которой теперь с блеском продолжает Питер Макфи. Принимая во внимание коммунистические взгляды Рюде, ему было бы очень сложно получить университетскую кафедру в Великобритании. Марксист Э. Хобсбаум читал лекции в Биркбек-колледже, но на протяжении долгих лет не получал пост профессора, несмотря на всю многочисленность и значимость своих трудов. Рюде регулярно посещал семинар Коббена в Институте исторических

²⁵ Furet F., Richet D. *La Révolution française*. P., 1965; Furet F. *Penser la Révolution*. P., 1978; Pilbeam P. *The Bourgeois revolution 1789-1815 // Pilbeam P. The Middle Classes in Europe, 1789-1914*. L., 1990. P. 210-234.

²⁶ Hufton O. *Bayeux in the late 18th Century, a Social Study*. Oxford, 1967; *Idem*. *The Poor of Eighteenth-Century France, 1750-1789*. Oxford, 1974; *Idem*. *Women and the Limits of Citizenship in the French Revolution*. Toronto, 1992.

²⁷ Church C.H. *Revolution and Red Tape: The French Ministerial Bureaucracy 1770-1850*. Oxford, 1981.

²⁸ Pilbeam P. *The 1830 Revolution in France*. L., 1991.

²⁹ Rudé G. *The Crowd in the French Revolution*. Oxford, 1959; *Idem*. *The Crowd in History, a Study of Popular Disturbances in France and England, 1730-1848*. N.Y.; L.; Sydney, 1964.

исследований с начала своей работы над диссертацией в 1948 г. и до 1956/57 учебного года³⁰. В свою очередь, Коббен, обсуждая проблему революционной толпы в «Социальной интерпретации», упоминал Рюде в положительном ключе. И своим ученикам он всегда советовал читать книги Рюде. В апреле 1968 г. Мюриэль Коббен пригласила Рюде на поминальную службу по своему мужу.

Коббен ставил под сомнение также марксистскую теорию о неизбежности прихода буржуазной власти на смену дворянской, указав на два обстоятельства: во-первых, королевской власти бросило вызов дворянство мантии, заседавшее в тринадцати парламентах страны, прежде всего в Парижском парламенте, а также дворянство и духовенство в Собрании нотаблей 1787 г.; во-вторых, после того, как оформилась новая элита нотаблей, объединившая дворян и буржуа, противопоставлять друг другу эти два класса означает впадать в упрощенчество. Начиная с 1950-х гг., роль нотаблей была исчерпывающе изучена французскими историками, в первую очередь Андре-Жаном Тюдеском³¹ и Ги Шоссинаном-Ногаре³² (в 1985 г. книга последнего переведена на английский Уильямом Дойлом³³). Этой темой занимался и сам Дойл³⁴, а также ученик Коббена Джон Макрелл, изучавший натиск на так называемый «феодализм»³⁵, и Дэвид Хиггс, чья книга продемонстрировала, что дворяне сохранили свою власть и в XIX в.³⁶ Предположение Коббена, что оффисье, в частности члены парламента, критиковали королевскую власть, поскольку их должности теряли в цене, не нашло подтверждения в подробном исследовании У. Дойла³⁷, которое тот начал, прочитав Коббена. Дойл усомнился и в предположении Коббена, что оффисье получили выгоду от компенсации за потерю своих должностей во время Революции. Коббен был бы счастлив, что поставленные им вопросы стали предметом столь

³⁰ Выражаю признательность за эту информацию профессору Клайву Чёрчу (университет Кентербери, Кент, Великобритания).

³¹ *Tudesq A.J.* Les Grands notables en France: (1840-1849), étude historique d'une psychologie sociale. 2 vol. P., 1964.

³² *Chaussinand-Nogaret G.* La Noblesse au XVIIIe siècle: de la féodalité aux Lumières. P., 1976.

³³ *Chaussinand-Nogaret G.* The French Nobility in the Eighteenth Century: From Feudalism to Enlightenment / Translated by W. Doyle. Cambridge, N.Y., 1985.

³⁴ *Doyle W.* Origins of the French Revolution. Oxford, 1980.

³⁵ *Mackrell J.Q.C.* The Attack on «Feudalism» in 18th century France. L., Toronto, 1973.

³⁶ *Higgs D.* Nobles in Nineteenth-Century France: The Practice of Inegalitarianism. Baltimore, L., 1987.

³⁷ *Doyle W.* Venality: The Sale of Offices in Eighteenth-Century France. Oxford, 1996.

подробного и от того убедительного исследования одного из ведущих британских специалистов по Франции.

Ставя под вопрос марксистскую интерпретацию социального значения событий 1789 г., Коббен вместе с тем не преуменьшал политической важности Французской революции или необходимости общественных перемен, ведущих к более справедливому и равноправному обществу. Он отметил роль идей Просвещения в вызревании Революции, но его подход отличался от принятого ранее. Его интересовали не столько идеи Просвещения, сколько их практическое применение. Ему принадлежат выдающиеся труды «Руссо и современное государство» и «В поисках гуманности. Роль Просвещения в современной истории»³⁸. С точки зрения Коббена писатели Просвещения были прежде всего оптимистически настроенными реформаторами-практиками, которые верили в могущество образования, находились под сильным влиянием научных достижений и испытывали некоторую симпатию к недавно появившимся республиканским идеям – одним словом, французскими собратьями Бентама. Главным для Коббена была их приверженность гуманизму, их стремление обрести этические стандарты. Он полагал, что влияние писателей Просвещения осталось устойчивым на протяжении всего XIX в. Книга Коббена не является подробным изложением просветительских идей; она скорее посвящена их долгосрочному влиянию и отказу от них в XX в. Лучшим из английских учеников Коббена, работавших над философскими аспектами Французской революции, стал Кейт Бейкер (Keith Baker), на протяжении долгих лет являвшийся ведущим профессором Стэнфордского университета, где пользовался почётом и уважением.

Коббен не только сотрудничал с другими учёными и готовил новые кадры, но и стремился познакомить с французской историей широкую публику. Его «История современной Франции началась» с 1715 г., Первый том ее был опубликован в 1957 г., второй – в 1963 г., третий – в 1965 г.³⁹ Эта мастерски написанная и очень интересная книга была адресована широкой публике, чтобы пробудить у нее интерес к обсуждаемым там сюжетам. Она стала хрестоматийным пособием по истории Франции, оставалась им на протяжении долгих лет и остаётся популярной до сих пор.

³⁸ Cobban A. In Search of Humanity: The Role of the Enlightenment in Modern History. L., 1960.

³⁹ Cobban A. A History of Modern France. 3 vol. L., 1957–1963.

Работа с аспирантами играла важнейшую роль в деятельности Коббена: во многом именно благодаря ей он приобрёл славу лучшего специалиста по французской истории за пределами Франции. Особое внимание он уделял семинару, проходившему в Институте исторических исследований по вечерам в понедельник, после его спецкурса. Темы диссертаций, защищённых под руководством Коббена, варьировались от Религиозных войн и различных аспектов правления Людовика XIV до Французской революции и XIX столетия. В 1950-е – 1960-е гг. Коббен был ведущим исследователем французской истории в Англии. К нему стекались студенты не только со всей страны, в том числе из Оксфорда и Кембриджа, но и из Северной Америки, в первую очередь из Канады. В Северной Америке Коббен был уже известен благодаря своим поездкам в университеты США и Канады, а также участию в конференциях. Первыми его учениками-канадцами были Джон Бошер (впоследствии преподававший в Йоркском университете в Канаде) и Харви Митчелл (университет Британской Колумбии, Канада), а затем их собственные студенты, в том числе Дэвид Хиггс (университет Торонто), Тимоти Ле Гофф (Йоркский университет, Канада), Дональд Сазерленд (Мэрилендский университет, США) и не менее полудюжины других, занявших после защиты диссертаций посты в канадском правительстве. К Коббену их привлекли стипендии Британского Содружества. Дональд Сазерленд стал автором несколько раз переизданной истории Французской революции⁴⁰.

Коббен одновременно вёл порядка восьми аспирантов. В отличие от ряда других научных руководителей, он очень сознательно и серьёзно относился к преподаванию и особенно к руководству научной деятельностью. Он никогда не отменял назначенные встречи и всегда был готов дать полезный совет. При этом он был реалистом и брал лишь такое количество студентов, для которых потом мог найти место в университете. Коббен был очень практичен. Нередко он предлагал аспиранту тему, развивавшую какой-либо из аспектов его собственной работы. Он всегда подчёркивал: диссертация – всего лишь необходимая подготовка к работе на университетском посту, однако считал, что она непременно должна быть основана на архивных данных. Эжена Вебера (Eugène Weber), защищавшего в Кембридже под руководством Дэвида Томсона дис-

⁴⁰ Sutherland D. M. G. France 1789-1815: Revolution and Counterrevolution. L., 1985.

сертацию по «Аксьон Франсез», А. Коббен завалил на защите потому, что его работа не была основана на архивах. Мы же, работая над диссертацией, по крайней мере один год из трёх проводили во французских архивах. Я занималась Июльской монархией, потому что Коббен решил, что события Французской революции XVIII в. достаточно хорошо изучены. Если он не был непосредственно знаком с теми архивами, что необходимы для темы диссертации, то знакомил студента со специалистом по ним, а потом приглашал того на защиту в качестве внешнего члена жюри. Примерно дважды за семестр Коббен встречался с каждым из нас в отдельности. Его семинар в Институте исторических исследований представлял собой тесно сплочённое сообщество. Мы собирались каждую неделю и должны были регулярно делать устные доклады о нашей деятельности, а незадолго до окончания работы представлять большой письменный доклад. Это был самый настоящий семинар для аспирантов, совершенно непохожий на нынешние семинары в Институте исторических исследований. Порой Коббен приглашал лекторов из других учреждений, например Ричарда Кобба из Оксфорда. После семинара мы нередко вместе отправлялись ужинать в китайский ресторан. В конце летнего семестра Коббен приглашал нас в гости, где угощал всякой вкуснятиной, которую приготовила Мюриэль и вином из своего погреба. По окончании работы над диссертацией члены семинара продолжали поддерживать друг с другом тесную связь и не теряем её до сих пор.

В 1950-е – 1960-е гг. женщины редко писали диссертации. Однако у Коббена было семь учениц, и все, кроме одной, сделали университетскую карьеру. В середине 1950-х гг. Ирэн Коллинз защитила диссертацию по газетам⁴¹ и стала лектором в Ливерпульском университете. Нора Темпл писала про события Французской революции⁴² и заняла пост в Кардиффском университете. Среди учениц Коббена было и две канадки. Синтия Дент/Dent (урождённая Гульден/Goulden) написала работу об истории церкви в царствование Людовика XIV и стала преподавать в Йоркском университете (Онтарио). Олена Хейвуд (Olena Heywood), занимавшаяся историей Революции 1848 г., закончила свою диссертацию уже после смерти Коббена. Ольвен Хафтон, чьи работы были перечислены выше, была самой яркой из его учениц: её приглашали препо-

⁴¹ *Collins I.* The Government and the Newspaper Press in France, 1814–1881. Oxford, 1959.

⁴² *Temple N.* The Road to 1789: From Reform to Revolution in France. Cardiff, 1992.

давать в Гарвард, а впоследствии она стала профессором Баллиол-колледжа и дамой-командором Британской империи. Я же стала профессором французской истории в Лондонском университете. Р. Кобб шутил, что Коббен искал девушек победнее, чтобы они изучали бедных. И действительно, Ольвен выросла в муниципальной квартире в Олдхеме, а мой отец был кузнецом на сталелитейном заводе в Поттерис. В 1960-е гг. очень и очень немногие девушки рабочего происхождения шли в университет, и практически никто из них не защищал диссертацию и не становился преподавателем. Возможно, будучи сам выходцем из низов, Коббен испытывал сочувствие к студентам такого же происхождения. Его семинар был необычен тем, как много женщин принимало в нём участие. Однако главными критериями Коббена при выборе студентов были их подготовка и возможность для их последующего трудоустройства.

Что можно отнести к научному наследию Альфреда Коббена? Прежде всего, его исследования и публикации, пробудившие в университетах и среди широкой публики устойчивый интерес к истории Франции. Стиль его текстов, побуждавших к размышлениям и ставивших вопросы, а также его постоянные апелляции к фундаментальным исследованиям побуждали молодых учёных подвергать сомнению устоявшиеся точки зрения и задавать свои вопросы прошлому. Его преподавательская работа, его книги занимали главное место в его жизни. Он никогда не останавливался. В 1967 г., сразу же после первой онкологической операции, он сделал доклад на конференции, организованной профессором Р. Мунье в Париже⁴³. За два дня до смерти, на больничной койке, он продолжал научное руководство, работая с Тимом Ле Гоффом. Он вдохновил и вырастил многочисленную плеяду учёных, и, что особенно важно, истинных альтруистов, сыгравших ведущую роль в том, как в западном мире понимают сегодня историю Франции. В настоящий момент их собственные студенты преподают в университетах Великобритании, Канады, США, Японии и других стран.

В 1950-е – 1960-е гг. история Франции считалась важнейшим направлением исследований в Великобритании, Австралии и Северной Америке. Вышедшая из Французской революции либеральная традиция представлялась жизненно важной в мире, пережив-

⁴³ Опубликовано в: *Cobban A. Aspects of the French Revolution. New York, 1968. P. 90–111.* Выражаю признательность за эти детали Тиму Ле Гоффу.

шем две мировые войны и ужасающие социальные катастрофы. Казалось, что французский опыт дарит человечеству слабую тень надежды. Коббен сам исповедовал эту веру и посвятил свою жизнь её укреплению. Но был ли он сам либералом? Отчасти да, но не только. Скорее он был реформатором, гуманистом и демократом.

Перевел с английского языка А. Ю. Терещенко

REFERENCES

- Agulhon M.* La République au village. Paris, 1970.
- Agulhon M.* La Vie sociale en Provence intérieure au lendemain de la Révolution. Paris, 1971.
- Agulhon M.* Une ville ouvrière au temps du socialisme utopique. Toulon de 1815 à 1851. Paris, La Haye, 1970.
- Chaussinand-Nogaret G.* La Noblesse au XVIIIe siècle: de la féodalité aux Lumières. Paris, 1976.
- Chaussinand-Nogaret G.* The French Nobility in the Eighteenth Century: From Feudalism to Enlightenment / Translated by W. Doyle. Cambridge, New York, 1985.
- Church C.H.* Revolution and Red Tape: The French Ministerial Bureaucracy 1770-1850. Oxford, 1981.
- Cobban A.* Ambassadors and Secret Agents. London, 1954.
- Cobban A.* Aspects of the French Revolution. New York, 1968.
- Cobban A.* Burke and the Revolt Against the Eighteenth Century. London, 1929.
- Cobban A.* The crisis of civilization. London, 1941.
- Cobban A.* Dictatorship, its History and Theory. London, 1939.
- Cobban A.* The Enlightenment // New Cambridge Modern History. Cambridge, 1966. Vol. 7. P. 85–111.
- Cobban A.* In Search of Humanity: The Role of the Enlightenment in Modern History. London, 1960.
- Cobban A.* Introduction // Dolléans E. Le Chartisme (1831–1848). Paris, 1949. P. VII–XII.
- Cobban A.* A History of Modern France. 3 vol. London, 1957–1963.
- Cobban A.* National Self-Determination. Oxford, 1945.
- Cobban A.* Rousseau and the Modern State. London, 1934.
- Cobban A.* Le sens de la Révolution française. Préface de E. Le Roy Ladurie. Tr. de F. Lessay. Paris, 1984.
- Cobban A.* Le siècle des Lumières. Paris, 1971

- Cobban A.* Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964.
- Cobban A.* The vocabulary of social history // *Political Science Quarterly*. 1956. Vol. 71. Issue 1 (March). P. 1–17.
- Collins I.* The Government and the Newspaper Press in France, 1814–1881. Oxford, 1959.
- Corbin A.* Archaïsme et modernité en Limousin au XIXe siècle, 1845-1880. 2 vol. Paris, 1975.
- Doyle W.* Origins of the French Revolution. Oxford, 1980.
- Doyle W.* Venality: The Sale of Offices in Eighteenth-Century France. Oxford, 1996.
- Furet F.* Penser la Révolution. Paris, 1978.
- Furet F., Richet D.* La Révolution Française. Paris, 1965.
- Higgs D.* Nobles in Nineteenth-Century France: The Practice of Inegalitarianism. Baltimore, L., 1987.
- Hufton O.* Bayeux in the late 18th Century, a Social Study. Oxford, 1967.
- Hufton O.* Cobban, Alfred Bert Carter (1901–1968) // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford, 2004. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/56344>
- Hufton O.* The Poor of Eighteenth-Century France, 1750-1789. Oxford, 1974.
- Hufton O.* Women and the Limits of Citizenship in the French Revolution. Toronto, 1992.
- Labrousse C.E.* La Crise de l'économie française à la fin de l'ancien régime et au début de la Révolution. Paris, 1944.
- Lefebvre G.* Études sur la Révolution française. Paris, 1954 (2nd éd. – 1963).
- Lefebvre G.* Les paysans du Nord pendant la Révolution française. Lille, 1924.
- Lefebvre G.* Quatre-vingt-neuf. Paris, 1939.
- Mackrell J.Q.C.* The Attack on «Feudalism» in 18th century France. London, Toronto, 1973.
- Pilbeam P.* The Bourgeois revolution 1789-1815 // *Pilbeam P.* The Middle Classes in Europe, 1789-1914. London, 1990. P. 210–234.
- Pilbeam P.* The 1830 Revolution in France. London, 1991.
- Rudé G.* The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1959.
- Rudé G.* The Crowd in History, a Study of Popular Disturbances in France and England, 1730-1848. New York, London, Sydney, 1964.
- Soboul A.* La Révolution française. Paris, 1965.
- Sutherland D. M. G.* France 1789-1815: Revolution and Counterrevolution. London, 1985.
- Taylor G.V.* Noncapitalist wealth and origins of the French Revolution // *American Historical Review*. 1967. Vol. 72. № 2 (Jan.). P. 469–496.

Taylor G.V. Types of capitalism in eighteenth-century France // *English Historical Review*. 1964. Vol. 79. № 312 (Jul.). P. 478–497.

Temple N. *The Road to 1789: From Reform to Revolution in France*. Cardiff, 1992.

Tudesq A.J. *Les Grands notables en France: (1840-1849), étude historique d'une psychologie sociale*. 2 vol. Paris, 1964.

Пилбим Памела

доктор наук (История)
почетный профессор,
Ройял Холлоуэй Колледж,
Лондонский университет
Эгхэм, Суррей, TW20 0EX Англия
e-mail: p.pilbeam@rhul.ac.uk

Pamela M. Pilbeam

PhD (History), professor emeritus
Royal Holloway College
University of London
Egham, Surrey, TW20 0EX England
e-mail: p.pilbeam@rhul.ac.uk